

цифической притягательностью одновременно и для академических ученых, и для психологов-практиков, и для широкой аудитории.

Целый ряд психологических направлений и сообществ, вышедших за рамки основной линии развития «объективной» психологии в XX веке — экзистенциальная и феноменологическая психология, культурно-историческая и деятельностная психология, диалогическая психология, психология личностных конструкторов, позитивная психология, психология саморегуляции — опираются на понятие смысла как на одно из центральных, хотя от более или менее общепринятого определения смысла мы по-прежнему далеки. Вместе с тем значимость и актуальность проблемы смысла уже не нужно доказывать, как это было всего лишь 10—15 лет назад.

Задача данной статьи — наметить ряд векторов, раскрывающих новые аспекты проблемы смысла, которые привлекают внимание исследователей в самое последнее время. С одной стороны, они призывают раскрыть новые грани проблемы смысла, а с другой — все более отвергают понятие смысла как центральное понятие современной философской антропологии и психологии личности, связывающее воедино целый ряд разнородных контекстов человеческого существования. Как будет показано ниже, смысл обретает вид все более интегрального и полиморфного понятия, не удерживающегося в жестких границах и постоянно изменяющегося, включенного во взаимодействие с другими смыслами и путешествующего по смысловым мирам.

От СМЫСЛА К СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ

З. Фрейд (1913) первым показал, что любое наше действие случайно, имеет определеннный смысл. А. Адлер (*Adler*, 1980) обнаружил, что люди живут в мире смыслов, которые управляют их действиями. В. Франкл (1990) открыл, что мы стремимся в первую очередь к поиску и реализации смысла. А.Н. Леонтьев (1972) зафиксировал несовпадение объективного значения и личностного смысла наших действий и их предметов. Но что такое смысл с психологической точки зрения? Не только разные авторы понимают его абсолютно по-разному, но и у одних и тех же авторов, например, З. Фрейда или А.Н. Леонтьева, встречаются на первый взгляд плохо стыкующиеся между собой формулировки. Смысл — это «вершинная», «низовая» или «глубинная» структура? Он в мире или в пси-

Притная любому автору необходимость переиздания успешно разошедшейся книги ставит, однако, всегда трудноразрешимую дилемму — менять или не менять? С одной стороны, книга достаточно молотна и за прошедшие годы начала жить своей жизнью, отчасти независимой от автора; с другой — изложенное в ней понимание не стояло на месте; во многом благодаря завершению этой книги мне удалось во многом уйти от того, что в ней написано, к новым рубежам понимания смысла.

Я решил не трогать книгу, но дополнить ее тремя небольшими предложениями-постскриптусами. В них я пытался показать, что изменилось в моих взглядах на смысл за прошедшие шесть лет. Пусть они напоминают о том, что вопрос о смысле не терпит окончательных ответов.

ПОСТСКРИПТУМ I НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА В ПСИХОЛОГИИ¹

Что важнее — смысл жизни или жизнь смысла?
А. Вознесенский

За последние десятилетия понятие смысла, не в последнюю очередь благодаря подвижнической работе Виктора Франкла, стало одним из наиболее расхожих понятий в психологии и других гуманитарных науках как у нас в стране, так и на Западе. Это слово сейчас очень резонирует с массовыми умонастроениями, обладает спе-

¹ Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы международной конференции / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С. 36–49.

хике, в сознании или в деятельности, он устойчив или текуч, он один или их много? Строго говоря, понятия «смысл» не было до недавнего времени — за этим словом стоял скорее «синкрет» в терминах Выготского или эвристическая метафора — и с моей стороны было бы излишней смелостью утверждать, что оно есть сейчас, хотя я занимался решением задачи построения непротиворечивой онтологии смысловой реальности на протяжении более 20 лет, обобщив результаты этой работы в монографии «Психология смысла» (Леонтьев Д.А., 1999).

В этой работе я стремился показать, во-первых, что не существует отдельного объекта под названием «смысл», который можно было бы точно определить. Есть некоторая смысловая реальность, которая проявляет себя в разных формах, в разных структурах, на разных уровнях психики и регуляции деятельности. Как грибы являются порождениями одной грибницы, которая простирается далеко и связывает между собой много разных грибов, вылезавших на поверхность, так и конкретные смысловые феномены — смыслы, мотивы, установки и так далее, есть только частные случаи проявления единой смысловой «грибницы», роль которой выполняет система смысловых связей, пронизывающая все отношения индивида с миром.

Вторая идея, которая легла в ее основу, заключалась в том, что невозможно понять ничего про смысл и понять, зачем вообще нужно понятие «смысл» в психологии, если ограничиться изучением только психологической реальности — сознания и деятельности. Так же, как нельзя понять природу грибов, не углубляясь в землю, а ограничиваясь только частью, возвышающейся над поверхностью, для понимания того, что такое смысловые явления, пришлось покинуть почву собственно психологии и залезть в чисто философскую область, попытавшись понять, как строить отношения человека с миром. Не обращаясь к этой сложной реальности отношений человека с миром, мы не поймем природу смысловых явлений, не сможем, скажем, отличить смысл от эмоций. Поэтому в работе был сформулирован принцип бытийного опосредования: любые изменения смысла связаны с реальным изменением отношений человека с миром.

Третья идея заключалась в связывании понятия смысла с понятием регуляции и саморегуляции. Принимая саморегулируемый характер человеческой деятельности как нечто, не нуждающееся в дальнейших доказательствах, мы можем дать ответ на вопрос о

смысле смысла: зачем нужен смысл как механизм человеческой жизнедеятельности, какую целесообразную функцию он выполняет. В теории В. Франкла, как и в ряде других теорий (А. Адлера, К.-Г. Юнга, Дж. Ройса), смысл рассматривался как «вершинное» образование, высший ориентир человеческого поведения. В ряде других общепсихологических теорий (А.Н. Леонтьева, Ж. Нюттена, Дж. Келли и др.) смысл выступал, напротив, как сравнительно элементарный универсальный механизм, присутствующий на разных уровнях и в разных звеньях человеческого поведения и познавательной активности. Парадоксальным образом смысл во втором, не столь «возвышенном» понимании оказывается намного более важным объяснительным понятием, чем в первом. Ведь любая система регуляции подразумевает три элемента: объект регуляции (его параметры, подлежащие регулированию), критерий регуляции (которому должен соответствовать объект) и механизмы управления, обеспечивающие возможность коррекции объекта в соответствии с критерием. В первом из двух упомянутых пониманий смысл выступает как критерий регуляции, во втором — как механизм управления. Мы можем поменять критерий — при этом вся система начнет двигаться в новом направлении, но на прежней основе. Если же мы поменяем механизмы управления, вся система изменится. В бунте Адлера против Фрейда наименее существенным моментом была замена либидо на стремление к превосходству и компенсации в качестве ведущей движущей силы; гораздо более принципиальной была замена им причин, находящихся в прошлом, на цели, локализованные в будущем. В теории Франкла стремление к смыслу было введено и убедительно обосновано как регуляционный критерий, в ряде других теорий (в наиболее развернутом виде — в теории А.Н. Леонтьева) оно было введено для описания *механизма регуляции*, присутствующего лишь человеческому поведению.

Осмысление собственных действий и объектов мира в интенциональном контексте, в контексте их места, роли и значимости для индивидуальной жизни, придает человеческой жизнедеятельности новое качество. Смысл — это гораздо больше, чем высший интегральный регулятор человеческой жизни, задающий ее направленность; *смысл — это регуляторный принцип жизнедеятельности*, отсуществующий на более низких ступенях эволюции. Он может иметь разный удельный вес на фоне других регуляторных принципов; меру смысловой регуляции поведения человека в сравнении с другими формами регуляции можно рассматривать как меру чело-

вечности. В этой книге рассмотрены параметры индивидуальных различий, характеризующие развитие смысловой регуляции и показано, что все эти параметры обнаруживают значимое снижение, например, у преступников, которых можно вследствие этого рассматривать как группу, характеризующуюся дефицитом человеческости при отсутствии психической патологии в традиционном ее понимании.

От жизненного смысла к экзистенциальному

Распространенной ошибкой является отождествление любого разговора о смысле и его изучения с экзистенциальным подходом. Это, конечно же, не так, что видно уже из обзора всевозможных трактовок смысла, приведенного в книге. Пафос этой работы, помимо введения представлений о смысловой регуляции и «грибнице» смысловых связей, заключается в демонстрации механизмов детерминации жизнедеятельности человека его жизненным миром, смысловых по своей природе. Вместе с тем жизнедеятельность человека не полностью обусловлена его жизненным миром; человек способен выходить за рамки этой детерминации. На определенном уровне правомерно говорить о вмешательстве субъекта в его жизненный мир, причём смыслы не столько служат ориентиром в этом, сколько наоборот, трансформируются под влиянием этого вмешательства. Жизненный смысл, определяемый жизненным миром, служит динамической адаптации «изменяющейся личности в изменяющемся мире» (Асмолов, 1990), но все же адаптации; этот смысл может быть статичным, заданным, завершённым, навязанным. Я воспринимаю его как нечто само собой разумеющееся, данное или заданное мне, не являюсь его подлинным субъектом, не имею возможности экзистенциального самоопределения по отношению к этому смыслу, его принятия или отвержения. Он выступает для меня скорее как необходимость, чем как возможность, скорее как «пленка», на которой записана определенная программа поведения, чем как живой процесс, постоянно изменяющийся и никогда не равный самому себе (Vigentel, 1991), скорее как что-то объективное или объективированное, внешне по отношению ко мне и ощущаемое мною как что-то независимое от моего отношения, чем как субъективное, мною порождаемое или выбираемое моей субъективной причинностью.

А. Лэнгле вводит в этой связи разведение экзистенциального смысла и онтологического смысла, слитых в теории Франкла (*Lang- le, 1994; 2004*). Развивая определение Франклом смысла как возможности на фоне действительности, Лэнгле определяет экзистенциальный смысл как «наиболее ценную из возможностей ситуации» (1994, S. 17). Исходным пунктом любого экзистенциального анализа выступает сам субъект. Поэтому экзистенциальный смысл выступает по отношению к нему не как требование, а как нечетко различимый след, указывающий личности дорогу (ср. смысл как след деятельности у Е.Ю. Артемьевой, 1999). Он предполагает активность со стороны личности, в том числе активность в отношении к нему (*Langle, 1994, S. 18*). Онтологический смысл, напротив, отличается упорядоченностью, определенностью, императивностью, тотальностью; его редуцированным вариантом выступает цель. Различение экзистенциального и онтологического смысла проявляется, в частности, в отношении к неустрашимому страданию — признание невозможности понять его конечный онтологический смысл приносит облегчение благодаря освобождению от императива верить, когда возможности веры исчерпаны. Это различие связано и с одной из ключевых идей учения Франкла о смысле: мы не должны задавать вопрос, в чем смысл жизни (в этом случае речь шла бы об онтологическом смысле), наоборот, жизнь задает нам этот вопрос, а мы должны на него ответить, но не словами, а действиями (Франкл, 1990, с. 190). Такой «экзистенциальный поворот» выводит нас на экзистенциальный смысл, которого еще пока нет; он «ждет», пока будет найден и реализован (Frankl, 1981, S. 88).

Постановка вопроса об экзистенциальном смысле возможна только после выхода на уровень самодетерминации, осознания возможностей и ответственности за их принятие или отвержение, за личностный выбор. На этом уровне я не могу принять решение о принятии или отвержении исходя из внешних, объективированных критериев; мой выбор носит осознанно субъективный и потому ответственный характер, сопряжен с принятием риска и неопределенности. Смысл — прежде всего смысл возможностей, смысл альтернатив, — не обладает на этом уровне завершенностью и однозначностью, не получает завершенной формулировки и не несет мне никакого однозначного послания, не дает никаких гарантий. Он становится элементом пространства возможностей, опосредующим мой выбор и вложение мною себя в выбираемые действия.

Иллюстрацией идеи экзистенциального смысла служит притча о том, как сообразительного ученика спросили, что для его учителя самое важное в жизни. «То, что он сейчас делает», — ответил ученик (*Langle*, 2004, S. 408). Экзистенциальный анализ приводит нас от априорного смысла к актуальному осмыслению.

ОТ СМЫСЛА ЖИЗНИ К ОСМЫСЛЕННОЙ ЖИЗНИ

Как было отмечено выше, высший смысл, или смысл жизни, выступающий высшим критерием регуляции и объектом основополагающих стремлений человека, менее значим с точки зрения понимания человека, чем более низкоуровневые смысловые механизмы, регулирующие всю человеческую жизнедеятельность. Последние пронизывают все виды и формы жизнедеятельности людей, как направленные к высшему смыслу, так и влекомые самыми примитивными побуждениями. Смысл жизни же выступает скорее не как общепсихологическое объяснительное понятие, а как понятие, соотносимое с индивидуальными различиями; наличием высшего смыслового ориентира может похвастаться не каждый, и при всем том несомненным малом влиянии, которое оказывает на жизнь человека наличие смысла и количественная мера осмысленности, жизнь в отсутствие смысла не только возможна, но и весьма распространена.

Смысл жизни разные авторы рассматривают под разными углами зрения. В одних случаях его понимают как субъективную конструкцию, отождествляют с жизненной целью, формулируемой в сознании (*Франкл*, 1990). В других случаях под ним понимают объективную направленность жизни, существующую вне и помимо любого осознания и доступную для познания внешним наблюдателем (*Adler*, 1980). В третьих случаях его рассматривают как преимущественно эмоциональный феномен, чувство включенности и богатства жизни, переживание ее осмысленности (*Csikszentmihalyi*, 1990).

На самом деле все три аспекта смысла жизни — субъективный образ цели, объективная направленность и эмоциональное переживание включенности и осмысленности — представляются одинаково важными и неотделимыми друг от друга. Если отсутствует образ цели, но имеются чувство осмысленности и богатства жизни и устойчивая ее направленность, человек может быть по-настоящему счастливым, но при этом плыть по течению, слабо контролируя ход

своей жизни. Если отсутствует чувство включенности при наличии двух остальных компонентов, смысл жизни редуцируется к цели жизни, а сама жизнь уподобляется хладнокровно планируемой карьере, утрачивая многое из того, что придает ей смысл и очарование. Теряется также ощущение того, что в жизни «мое», подлинное, а что нет — это ее измерение может быть описано в терминах полноты аутентичность—отчуждение. Многие люди живут отчужденной жизнью, иногда под давлением обстоятельств, иногда по причине подавления эмоционального переживания включенности. Если присутствуют и образ цели, и переживание включенности, но объективная направленность жизни расходитя с ними, то перед нами прекраснодушный идеалист, неспособный выстроить свою жизнь в соответствии со своими представлениями.

Предложенная трехкомпонентная схема смысла жизни напоминает популярную модель социальной установки, различающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий ее компоненты. Важнее, однако, то, что в этих трех аспектах смысла жизни выражается его включенность в три разных системы связей, закономерностей. Эмоциональное переживание осмысленности вписывает смысл жизни в контекст эмоциональных феноменов, поддающихся изучению в традиционной парадигме экспериментальной психологии. Аспект объективной направленности жизни соотносит смысл с более широким и сложным контекстом человеческого бытия-в-мире, требуя уже иного подхода. Наконец, третий аспект, связанный с содержанием образа цели, требует культурно-исторического или диалогического подхода, учитывающего взаимодействие индивидуальных и культурных миров (см. об этом ниже).

В индивидуально-генетическом аспекте, по-видимому, именно объективная направленность жизни и ее эмоциональная осмысленность, а не сам постижимый смысл, являются первичными и наиболее существенными. Действительно, весьма осмысленной может быть жизнь, направленная на поиск смысла, который ощущается как еще не найденный, а иллюзия обретения смысла может сочетаться с довольно бессмысленными действиями. Это положение перекликается с финалом «Исповеди» Л.Н. Толстого, в котором автор приходит к выводу о том, что «для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже — разум для того, чтобы понять ее» (1983, с. 147). Осмысление жизни может первоначально носить непроизвольный, непосредственно-эмоциональный характер; далее, с формировани-

ем осознанного представления о смысле жизни, оно становится произвольным и осознанным; наконец, когда осмысление жизни преодолевает ее жестко определенный образ и становится экзистенциальным, воздающим должное непредсказуемости и изменчивости жизни и ее смысла, его можно, по аналогии с вниманием, назвать следепродвольным,

Осмысленная жизнь отличается от бессмысленной не только и не столько наличием смысла, сколько целым рядом других особенностей. В. Розанов выражает эту мысль так: «Двойного рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первую я разумею жизнь, которая управляется *причинами*, под вторую — жизнь, которая управляется *целью*» (1994, с. 21). Действительно, человек, который не задумывается о смысле своих действий, обрекает себя на то, чтобы служить игрушкой внутренних и внешних сил: эмоций и страстей, с одной стороны, и давлений, соблазнов и социальных норм — с другой. Потом остается только говорить: «А что я мог сделать?», «Ну я же должен был так поступить», «Все так делают». Человек же, направленный на поиск смысла в своих действиях, в состоянии строить перспективу будущего, конструировать и сравнивать разные варианты поведения, ставить и достигать цели, искать и находить смысл своих действий и своей жизни. Он направлен в будущее и способен делать свой выбор. Тем самым задается базовая альтернатива: либо я строю жизнь на основе осознания возможностей, имеющихся у меня в каждой точке, либо мой ограниченный опыт не позволяет мне видеть возможности, и я ощущаю себя не субъектом жизни, а пассивным объектом приложения сил внутри и вне меня; выражаясь словами одной клиентки, пришедшей на прием к психотерапевту, «жизнь меня живет» (И. Подчуфарова, личное сообщение).

Наиболее четкая теоретическая концептуализация этого различия представлена в теории личности С. Мадди (Maddi, 1971; 1998), который различает три класса человеческих потребностей: биологические, социальные и психологические. К последним он относит потребности в символизации, суждения и воображении, характеризуя эти три процесса как разные пути поиска смысла. Если биологические и социальные потребности у человека преобладают, а психологические слабо развиты, личность движется конформистским путем развития; человек воспринимает себя как воплощение биологических нужд и социальных ролей и живет сообразно им; он не может дистанцироваться от потока своей жизни, и на первом плане

у него общее с другими людьми. Если же психологические потребности доминируют над биологическими и социальными, развиваются воображение, суждение и символизация, у личности формируется внутренний мир, жизненная философия, пространственная и временная перспектива, он в состоянии отнестись к собственной жизни. Мадди называет такой путь личностного развития индивидуалистским, человек в этом случае ориентирован на смысл и может выбирать, принимать собственные решения.

Таким образом, бессмысленная жизнь (конформистский путь развития) — это жизнь, замкнутая в себе, не связанная с жизнью других людей, с социальными группами, с человечеством; в ней отсутствует перспектива за пределами актуального «здесь и теперь», отсутствует осознание; она определяется причинами, отчуждена (не воспринимается как «моя собственная») и мотивирована нуждой, необходимостью. Осмысленная жизнь, напротив, соотносена с чем-то большим, она имеет перспективу, осознана и управляется преимущественно целями, которые мы сами себе ставим; она аутична и управляется возможностями. Смысл позволяет нам существовать в поле свободно выбираемых нами возможностей, а не действующих на нас механических сил, хотя немалая часть жизни даже наиболее развитых людей протекает на субчеловеческом уровне, управляемом причинными механизмами.

От личностного смысла к межличностному смысловому полю

Как уже было отмечено, смысл характеризует место и роль чего-либо в контексте жизненного мира субъекта, тем самым, смысл необходимо задается миром. Именно контекст жизненного мира придает смысл чему-либо, в том числе самой жизни. Чтобы определить смысл для меня любого объекта, действия или события, я должен определить его место в жизненном мире, охватывающем не только фактически наличное, но и возможное — то, что может быть, и желательное — что должно быть. Чтобы изменить смысл, я должен найти новый контекст, расширив представление о том, что есть, может быть и должно быть.

Мир есть только у человека, причем у каждого человека свой; тем не менее, эти индивидуальные миры взаимодействуют между собой, они открыты друг другу, хотя степень этой открытости может различаться. Можно говорить и об общем мире, являющемся

пересечением множества индивидуальных миров. Еще Гераклит говорил, что, бодрствуя, мы находимся в едином общем мире; однако во сне, под влиянием страсти или в оцепенении каждый из нас отворачивается от общего мира и уходит в свой частный мир (*Бинсвангер*, 2001, с. 314).

В традиционной естественнонаучной парадигме мы рассматриваем человека как конкретный объект, монаду, замкнутую в определенных границах и обладающую некоторыми свойствами. Манифест этой парадигмы в психологии — дифференциальная психология В. Штерна (1998): у человека есть много разных свойств, проявлений, их надо тщательно обмерить, изучить, описать, сопоставить с другими людьми и т.д. Даже если мы используем средства самоотчета и интроспекции, при этом мы все равно рассматриваем человека как замкнутое в себе существо, лишь обладающее дополнительными речевыми средствами, с помощью которых он может передать нам дополнительную информацию о себе.

Но традиционная психология индивидуальности не может уловить феномен разомкнутости мира личности и его взаимодействия с другими мирами. Человек обладает не только чертами, мотивами и эмоциональными состояниями, но и содержаниями — значениями, смыслами, символами, понятиями, ценностями, мифами, теориями и др., которые имеют знаковую природу и могут передаваться. С этим процессом мы встречаемся только у человека: у животных нет содержания. Можно сказать: душа есть содержание. В отличие от традиционных переменных, изучаемых психологами, содержания нельзя выявить, если субъект сам не сообщит нам о них.

На уровне содержания мы оказываемся принципиально разомкнутыми друг к другу, способными взаимодействовать в едином общем пространстве. Люди как носители миров, наполненных содержаниями, принципиально разомкнуты по отношению друг к другу и к миру культуры, находятся между собой в постоянном диалоге, в котором содержания циркулируют между личностями и между личностью и культурой. Когда я пытаюсь в диалоге с собеседником выразить некоторое смысловое содержание — где кончается «мой» смысл и начинается «его»? Когда я читаю книгу — где кончается идея автора и начинается мое понимание? Возможно, именно эти процессы циркуляции смыслов в диалогических взаимоотношениях личность—личность и личность—культура задают и наполняют такую реальность как смысловое поле, значимость которого подчеркивалась последнее время А.А. Леонтьевым (2001).

При традиционном подходе оказывается невозможно понять, что происходит, например, в аудитории во время лекции. Несколько десятков автономных индивидуальностей объединяет в одном помещении обмен содержанием. Лектор и слушатели входят в это пространство со своими определенными содержаниями, со своим внутренним миром, мировоззрением. Лектор излагает на одном уровне не слова, на другом уровне — идеи, на третьем уровне — смыслы и ценности. Все это — психологические содержания разного уровня. Лектор «вбрасывает» эти содержания в общее пространство. Содержание, вбрасываемые лектором, по-разному взаимодействуют с тем миром содержания, с которым пришел в эту аудиторию каждый из слушателей. Но какое-то взаимодействие происходит практически у каждого. Даже резкое отрицание: «Нет, это полный бред, это полная ерунда» — также результат взаимодействия содержания.

В этом же пространстве мы оказываемся разомкнутыми не только друг к другу, но и по отношению к культуре, человеческому миру. В последнее время в литературе (А.Г. Асмолов, Л.Я. Дорфман, А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев и др.) активно дискутируется идея неклассической психологии (*Эльконин*, 1989); суть ее заключается в признании того, что психическая реальность существует не только в индивидуальной психике, но и (в объективированной форме) за ее пределами, в объектах материальной и духовной культуры. Индивид усваивает из культуры психологические содержания в ходе своего развития и затем возвращает их вновь в культуру в виде созданных им объективированных продуктов деятельности.

Из культуры мы в основном и черпаем материал для построения наших миров. Заимствование культурных моделей поведения было недавно очень интересно проанализировано в русле культурно-исторического подхода Е.Е. Соколовой (1999). Художественная литература — очень мощный источник заимствования подобных моделей. Сошлось лишь на знаменитую повесть Гёте «Страдания молодого Вертера», после выхода которой не один десяток людей покончили с собой, обнаружив в книге модель поведения, которой они сочли за благо последовать. Они обнаружили возможность и сочли эту возможность чем-то привлекающей для себя. Даже в психологию часто проникают модели поведения, заимствованные из художественной литературы в качестве иллюстрации каких-то психологических реалий — существуют такие понятия как «синдром Мартина Идена», по имени героя романа Джека Лондона, который кончает с собой, добившись всех своих целей, потому что

больше не к чему стремиться; «эффект Полианны», по имени героини известной детской книги Элинор Портер, которая обладала способностью позитивно переинтерпретировать все неприятности, с которыми она сталкивалась, и т.д. Таким образом, смыслы, образующие содержание нашей личности, вычерпываются нами не только из собственного опыта, порождаются не только собственной деятельностью — они также приходят к нам из других смысловых миров.

ОТ СМЫСЛОВОЙ СИСТЕМЫ — К ОТКРЫТОМУ СМЫСЛОВОМУ ГОРИЗОНТУ

Б.С. Братусем (1999) в русле концепции смысловой регуляции и смысловой сферы было введено представление о «смысловой вертикали» — иерархии смысловых критериев, от этоцентричных до духовных, задающих жизненные ориентиры на разных уровнях личностного развития. Не обсуждая здесь эту модель, хотелось бы акцентировать другое измерение смысловой реальности — горизонтальное, прямо связанное с обозначенным выше неклассическим подходом в культурно-исторической парадигме.

Разомкнутость смыслового мира личности по направлению к другим смысловым мирам — как других личностей, так и произведенной культуры — означает, что я не ограничен моим индивидуальным опытом в качестве источника смыслов, на которые я могу опереться в регуляции своей жизнедеятельности, но обладаю бесконечными по сути возможностями расширения моего смыслового мира за счет других смысловых миров. Вступая с ними во взаимодействие, я могу тем самым раздвигать границы моего мира, открывая для себя все больше и больше возможностей и расширяя ресурсы саморегуляции. В процессах саморегуляции обнаруживаются два противоположных рода процессов, находящихся между собой в отношении взаимодополнения и чередования в виде сменяющихся друг друга фаз взаимодействия с миром. Первая фаза — раскрытие, расширение спектра возможностей действия, максимизация потенциальных смыслов, которые может нести в себе ситуация, толерантность к неопределенности, раскрытие потенциала свободы. Вторая — закрытие, сужение спектра возможностей, овладение с их избыточностью через осуществление выбора и переход к реализации, преодоление неопределенности, раскрытие потенциала ответ-

ственности. Экспериментально наличие двух дополняющих друг друга и функционально противоположных фаз подтверждается в исследованиях мотивации и воли, основанных на «модели Рубикона» (Хекхаузен, 2003) и в исследованиях типов внимания (Величковский, 2003). Разрыв этих двух фаз и абсолютизация одной из них приводит к неполноценному, одностороннему взгляду на человеческое существование: абсолютное познание и понимание, оторванное от выбора и реализации, так же неполноценно, как абсолютная целенаправленность и реализация, оторванная от понимания и осмысления возможностей. Редукция фазы открытости приводит к ригидности и упрощенности жизненного мира, снижению регуляторной роли сознания. Редукция фазы закрытости приводит к тирании «всевозможности» (Лобок, 1997), к бесконечной и безответственной игре смыслами, изъятиями из контекста собственного бытия в мире.

К измерению открытости и богатства смыслового мира личности уместно применить понятия горизонтали и горизонта, поскольку взаимодействия между носителями смысловых миров не носят иерархического характера, и даже если один смысловой мир вбирает в себя другой, то это их отношение не определяется в терминах «верх—низ» — оно всегда сохраняет возможность взаимности, и малый мир может так же вобрать в себя большой, как и большой — малый. С другой стороны, динамика этого измерения происходит путем его расширения, что как нельзя лучше описывается метафорой горизонта. Таким образом, *смысловая горизонталь* — это плоскость диалога, содержательной открытости людей как носителей внутреннего смыслового мира друг другу и культуре (миру артефактов), а *смысловой горизонт* — это мера широты, богатства и разнообразия этого мира.

Вертикальное измерение ассоциируется при этом скорее с интеграцией, внутренним переструктурированием и качественным развитием смыслового мира на основе процессов понимания. Наконец, еще одно измерение смыслового потенциала личности, наряду с горизонтальным и вертикальным, — это его связь с действием, отливка в личностные структуры, мера реальной воздействия смысла на регуляцию процессов жизнедеятельности.

* * *

В этой статье были коротко намечены несколько новых, нетрадиционных подступов к проблеме смысла, преодолевающих, в частности (хотя не отрицающих) концепцию, изложенную в моей кни-

те «Психология смысла». Эта концептуальная динамика, по всей видимости, связана не только с развитием авторских взглядов, но отражает и динамику проблемного контекста — статус и популярность проблемы смысла в психологии сейчас намного выше, чем десятилетие тому назад. Вместе с тем оборотной стороной популярности является риск упрощения реальности, со сложностью которой часто не удается совладать. Поэтому основная задача этой статьи — эксплицировав основные неявные проблемы, связанные с понятием смысла (такие, как смысловая реальность, экзистенциальный смысл, осмысленность, смысловое поле, смысловой горизонт), по возможности предупредить упрощенное его понимание. Теоретический потенциал понятия смысла неисчерпаем и только начал разрабатываться. Этому понятию суждена долгая и продуктивная жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999.
- Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Бинсвангер Л.* Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: Апрель-пресс; ЭКСМО-пресс, 2001. С. 308—332.
- Братусь Б.С.* Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельности подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 284—298.
- Величковский Б.М.* Успехи когнитивных наук: технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. 2003. № 12. С. 87—93.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург: Отд. образцов. администр. Октябрьского района, 1997.
- Петухов В.В., Столин В.В.* Психология: Метод. указ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
- Розанов В.* Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Антология / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс; Культура, 1994. С. 19—64.
- Соколова Е.Е.* Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии //

- Традиции и перспективы деятельности подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 80—117.
- Толстой Л.Н.* Исповедь // Собрание сочинений: В 22-ти тт. М.: Худ. лит., 1983. Т. 16. С. 106—165.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Современные проблемы, 1913.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
- Adler A.* What Life Should Mean to You. London: George Allen & Unwin, 1980.
- Bugental J.F.T.* Outcomes of an Existential-Humanistic Psychotherapy: A Tribute to Rollo May // The Humanistic Psychologist. 1991. Vol. 19. №1. P. 2—9.
- Csikszentmihalyi M.* Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper Perennial, 1990.
- Frankl V.* Die Sinnfrage in der Psychotherapie. Munchen: Piper, 1981.
- Langle A.* Sinn-Glaube oder Sinn-Gespur? Zur Differenzierung von ontologischem und existentielltem Sinn in der Logotherapie // Bulletin der Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse. 1994. Jg. 11, №2. S. 15—20.
- Langle A.* Das Sinnkonzept V. Franks — ein Beitrag für die gesamte Psychotherapie // Sinn, Sinnerfahrung, Lebenssinn in Psychologie und Psychotherapie / H.G. Petzold, I. Orth (Hg.). Bd.2. Bielefeld; Locarno: Aisthesis, 2004. S. 403—460.
- Maddi S.* The search for meaning // Nebraska symposium on motivation, 1970 / W.J. Arnold, M.M. Page (Eds.). Lincoln: University of Nebraska Press, 1971. P. 137—186.
- Maddi S.R.* Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / P.T.P. Wong, P.S. Fry (Eds.). Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 1—25.

1966, с.112). Путь, ведущий к выходу на этот уровень регуляции, ведущий к подлинной свободе, есть путь понимания (см. *Леонтьев Д.А., 2006*). «Свобода совпадает с внутренне наличествующей необходимостью истинного. Будучи свободным, я хочу не потому, что я так хочу, а потому, что я уверен в справедливости моего желания. Поэтому притязание на свободу означает желание действовать не по произволу и не из слепого повиновения, а в результате понимания. Однако мнение еще не есть понимание. И свобода требует преодоления того, что есть просто мнение» (*Ясперс, 1991, с. 167*).

Эта ситуация, с которой человек сталкивается на очень высоком уровне развития (к которому применим термин «просветленнии») представлена в последних романах Аркадия и Бориса Стругацких в форме кажущегося парадокса: чем свободнее человек, тем меньше у него выбор. Парадокс этот, однако, разрешим с точки зрения высшего уровня регуляции — уровня, на котором человек принимает решения в соответствии с сутью вещей, с законами, которые «существуют только для свободных существ» (*Мамардашвили, 1997, с. 230*). Его выбор добровольен, но не произволен, потому что не произвольна, а императивна суть вещей. Он принимает свободное решение ориентироваться на нее, делать то, что суть вещей требует. «Свобода — это сила на реализацию своего собственного понимания, своего «так вижу — и не могу иначе» (*Мамардашвили, 1990, с. 209*). Это свободное решение, потому что он не обязан этого делать. Он может жить, как жил всю жизнь, игнорируя, а чаще просто не понимая законов жизни. Но если он пришел к этому пониманию, он добровольно подчиняет свой путь новому, высшему регуляторному императиву, несет свой крест, как просветленные представители человечества, познавшие и принявшие экзистенциальную необходимость тех или иных действий. Ярким примером может служить Сократ, добровольно выбравший смерть; возможное уклонение от исполнения приговора обесценило бы все, чему он учил сограждан.

Но за понимание приходится заплатить большую цену. Ролло Мэй (2001) дал нетрадиционную экзистенциальную трактовку мифа об Эдипе. Путь Эдипа — это путь человека, который идет вопреки всем трудностям к познанию истины, какой бы неприятной она ни была. Эдип хочет знать правду, пусть даже это познание оказывается таким, что в конце концов он ослепит себя. Главный результат — его победа над Сфинксом, то есть над злом. Мы стремимся отгонять от себя зло, помещать его где-то за городскими воротами, снаружи.

ПОСТСКРИПТУМ 2

СЕДЬМОЙ УРОВЕНЬ РЕГУЛЯЦИИ

Мультирегуляторная модель личности, впервые описанная в первом издании этой книги (*Леонтьев Д.А., 1999, с. 155-158*), описывала шесть логик жизнедеятельности, задаваемых разными ответами на вопрос «Почему люди делают то, что они делают»: логика удовлетворения потребности, логика реагирования на стимулы, логика предрасположенности, логика социальной нормативности, логика жизненной необходимости, или смысла, логика свободного выбора, или возможности. Там же не исключалось наличие еще одного, высшего типа регуляции, опирающегося на высшее призвание или миссию, однако он не был включен в описание мультирегуляторной модели.

За прошедшее время я, однако, утвердился в необходимости добавления этого седьмого уровня к основной схеме, что нашло отражение в ряде публикаций и выступлений. Поэтому представляется важным включить в переиздание этой книги характеристику седьмого уровня регуляции жизнедеятельности.

Седьмой уровень регуляции — это уровень, на котором человек принимает решения в соответствии с сутью вещей, с глубинными законами жизни. На нем действует *логика познания сути*, выражающаяся в терминах формулы свободной причинности, данной В.А. Петровским (1997, с.125): «За-не-зачем, а потому что не-иначе-как!».

При пристальном рассмотрении эта формула открывает принципиальные глубины. Из нее следует, что нет причин, но есть внутренняя необходимость, которая является своеобразным императивом. Это необходимость совершенно особого рода, и, скорее всего, именно ее имел в виду Фридрих Энгельс, определивший свободу как осознанную необходимость, а в другом месте, более развернуто, как способность принимать решение со знанием дела (*Энгельс,*

Зло «за городскими воротами» все время требует от нас жертв, и приносим ему эти жертвы. Но можно отважиться увидеть зло в самом себе. Когда Эдип понимает, что зло внутри него, когда он осознает, что убил своего отца и спит со своей матерью — он тем самым принимает зло в себя и одерживает победу над Сфинксом. Развитие, говорит Мэй в другом месте (Maу, 1981), не означает, что человек становится добрее, — он становится более чувствительным по отношению к добру и злу в себе, более ответственным за это.

* * *

Философским основанием мультирегуляторной модели личности служит более общий антропологический образ «*пунктирного человека*» (Леонтьев Д.А., 2001). Смысл этого образа заключается в том, что человек не проявляет себя как человек на протяжении всей траектории своей жизни. «Животное существование», «растительное существование» — это не метафоры, а реальные уровни существования человека. Имея возможность переключаться с одних регуляторных систем на другие, которые функционируют на других уровнях, человек часто поддается соблазну функционировать не на уровне, который включает человека в его высших человеческих проявлениях, а на уровне более низком, субчеловеческом. Сущность человека заключена в этой возможности переключаться с одного уровня на другой. Человек часть своей траектории проходит на человеческом уровне, потом на субчеловеческом, потом опять человеческом, потом опять на субчеловеческом — траектория его жизни есть пунктирная траектория. У разных людей в разных ситуациях эта траектория может иметь разную конфигурацию, но практически ни у кого не бывает сплошной.

Искушение субчеловеческим заключается, в основном, в том, что субчеловеческие формы существования оказываются менее энергетозатратными, более легкими, более привлекательными как путь наименьшего сопротивления; человеческие же проявления — путь наибольшего сопротивления. Поэтому далеко не все стремятся во всем быть людьми, платя за это соответствующую цену. И «лестница» уровней регуляции является одновременно лестницей восхождения к человеческому.

ЛИТЕРАТУРА

- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев Д.А. Жизнетворчество как практика расширения жизненно-мира // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Со-сланда. М.: Смысл, 2001. С.100—109.
- Леонтьев Д.А. Понимание смысла и смысл понимания // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / Под ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Япуты. М.: Смысл, 2006. С. 20—27.
- Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: РХГИ, 1997.
- Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С.124—144.
- Мэй Р. Сила и невинность. М.: Смысл, 2001.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1966.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Maу R. Freedom and destiny. New York: Norton, 1981.

является ложной. «Противоестественно, невозможно сделать это побочное, сопутствующее впереди лежащей целью; как невозможно, уродливо было бы для корабля тронуться носом позади приделанного руля» (*Розанов, 1994, с. 42*).

В. Розанов, Н. Бердяев, А. Введенский и другие философы противопоставили принципу стремления к счастью принцип стремления к смыслу как интенциональной направленности на что-то ценное в мире. Принципиально важно, что смысл жизни рассматривается ими как нечто выходящее за пределы самой жизни, возвышающееся над ней. «Верить в смысл жизни логически позволительно только в том случае, если мы верим, что наша жизнь есть путь, ведущий нас к абсолютно ценной цели, лежащей вне нашей жизни и осуществляющейся через посредство жизни» (*Введенский, 1994, с. 100*). «Оценка с точки зрения смысла всегда предполагает возвышение над тем, что оценивается» (*Бердяев, 1993, с. 37*). Именно поэтому человек оказывается способен переносить страдания: страдание, смысл которого осознан, отличается от страдания без цели и смысла (*Бердяев, 1992, с. 91*). Счастье в этой традиции рассматривается как интенциональное переживание, порождаемое открытием и реализацией смысла посредством действий в мире.

Та же, по сути, логика была развита в экзистенциальной антропологии Виктора Франкла, в которой принцип стремления к смыслу также был отчетливо противопоставлен стремлению к удовольствию и счастью, причем не только в философско-этическом, но и в психологическом контексте. «Теория, основанная на принципе удовольствия, упускает из виду важное качество всей психической деятельности — интенциональность. И вообще, люди желают не удовольствия как такового, они просто хотят того, что хотят» (*Франкл, 1990, с. 165*). Развивая эту позицию, Франкл подчеркивает, что нам нужно не столько само счастье, сколько основания для него; если они есть, счастье придет само (*Франкл, 1991, р. 20*). Попытка же обойти необходимость осуществления смысла и напрямую получить ощущение счастья порождает алкогольную и наркотическую зависимость (*Франкл, 1978, р. 69*). Именно смысл служит основанием для счастья, и обладание им — предпосылка счастья и даже самой возможности его испытывать. Отсутствие смысла лишает человека способности как переживать счастье, так и переносить страдание (*Франкл, 1984, р. 54*).

Идея первичности и определяющего характера направленности на смысл по отношению к переживанию счастья начинается посте-

ПОСТСКРИПТУМ 3 СМЫСЛ И СЧАСТЬЕ

Для огромного большинства людей основной жизненной целью и объектом стремлений выступает счастье. На этом основаны не только наиболее популярные житейские воззрения, но и такое серьезное течение в современной психологической науке как позитивная психология (см. *Селигман, 2006*). Принцип стремления к счастью практически не ставится в ней под вопрос. Единственная оговорка связана с принятием в качестве основы не столько гедонизма — принципа жизни с опорой на прямолнейные, непосредственные сиюминутные наслаждения, сколько эвдемонизма — принципа ориентации на суммарный баланс удовольствий и цены, которую за них приходится платить, в долгосрочной перспективе жизни индивида. Эвдемонизм считает оправданным стремление к счастью, при условии, что оно понимается в широком жизненном контексте. Но введение в анализ проблемы более широкого контекста — это и есть введение категории смысла.

Впервые интенсивная критика идеи счастья как главного основания и объяснительного принципа жизни человека развернулась в конце XIX — начале XX века в российской религиозной философии. В. Соловьев утверждал, что понятие счастья, как и понятия пользы и наслаждения, не имеет нравственной природы и не может служить основой этики (см. *Тареев, 1994, с. 134*). Принцип стремления к счастью бессодержателен: из него выводятся абсолютно противоположные друг другу учения (*там же*), он не уточняет, что должно стать предметом активности (*Розанов, 1994, с. 41*), невозможно сравнить между собой счастье разных людей (*Бердяев, 1993, с. 77*), наконец, счастье эквивалентно остановке всех стремлений и неведение добра и зла (*там же, с. 247–248*). По этой же причине идея счастья не может служить объяснением человеческой жизни, а мысль человека об устройении своем на земле по принципу счастья

пенно проникать и в позитивную психологию, в которой проблема счастья, которое отождествляется, как правило, с устойчивым субъективным ощущением благополучия, является центральной. Некоторые авторы, однако, пришли к рассмотрению смысла как значимого фактора счастья, которое при этом оказывается «побочным продуктом участия в достойных проектах и занятиях, не ставших достижением счастья главной целью» (*Emmons*, 2003, р. 106).

Эмпирические исследования в позитивной психологии, реально учитывающие фактор смысла, сравнительно немногочисленны, но их результаты показательны. Они говорят о том, что наиболее заметно на ощущении счастья сказывается прогресс в достижении не любых, а лично значимых («внутренних» или конгруэнтных мотиву) целей (*Emmons*, 2003), и что наиболее яркие позитивные переживания связаны с увлеченностью чем-то, выходящим за пределы своего Я (*Csikszentmihalyi*, 1990). Однако, если смысл влияет на счастье, то обратное неверно: смысл не зависит от уровня благополучия, он помогает не только достичь счастья, но и обходиться без него (*Baumeister, Vohs*, 2002).

Таким образом, сколько-нибудь полный анализ проблемы счастья без учета роли смысла в его достижении оказывается невозможным. Роль смысла проявляется, во-первых, в том, что его реализация оказывается одним из главных оснований для переживания счастья. Во-вторых, он определяет направленность поиска и качественные характеристики самого состояния счастья, включающие не только его интенсивность, но и зрелость. Наконец, в-третьих, смысл выступает мощной опорой в совладании не только с дефицитом счастья, но и с еще более серьезными невзгодами. Как многие удачи и находки, так и проблемы и тупики позитивной психологии одинаково наглядно свидетельствуют о ключевой роли понятия смысла в решении центральных проблем сегодняшней психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А.* О самоубийстве (1931) // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С. 90—94.
- Бердяев Н.А.* О назначении человека (1931). М.: Республика, 1993.
- Введенский А.* Условия допустимости веры в смысл жизни (1896) // Смысл жизни: Антология / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс—Культура, 1994. — С. 93—122.

Розанов В.В. Цель человеческой жизни (1892) // Смысл жизни: Антология / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс—Культура, 1994. — С. 19—64.

Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006.

Тареев М. Цель и смысл жизни (1902) // Смысл жизни: Антология / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс—Культура, 1994. С. 123—242.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Baumeister R.F., Vohs K.D. The pursuit of meaningfulness in life // C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.). *Handbook of Positive Psychology*. New York: Oxford University Press, 2002. P. 608—617.

Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: HarperPerennial, 1990.

Emmons R.A. Personal goals, life meaning, and virtue: wellsprings of a positive life // C.M. Keyes, J. Haidt (Eds.) *Flourishing: positive psychology and the life well-lived*. Washington (DC): American Psychological Association, 2003. P. 105—128.

Frankl V.E. The unheard cry for meaning. New York: Simon & Schuster, 1978.

Frankl V.E. Der leidende Mensch: Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. Bern: Huber, 1984.

Frankl V.E. Der Wille zum Sinn. Munchen: Piper, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА В ПСИХОЛОГИИ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	
1.1. Понятие смысла в гуманитарных науках	8
1.2. Подходы к пониманию смысла в психологии	27
1.2.1. Предыстория смысла как объяснительного понятия в психологии: ранние психодинамические теории личности	27
1.2.2. Смысл как интегративная основа личности	36
1.2.3. Смысл как структурный элемент сознания и деятельности	51
1.3. Понимание и изучение смысла в деятельностном подходе	78
1.4. Заключение по главе 1	105
Глава 2. ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА	
2.1. Грани смысла: онтологический, феноменологический и деятельностный аспекты анализа смысловой реальности	107
2.2. Онтологический аспект смысла: смысл в контексте жизненных отношений	114
2.3. Общее представление о смысловых структурах и смысловой сфере личности	124
2.4. Пути и механизмы порождения смыслов	130
2.5. Феноменологический аспект смысла: смысл в структуре сознания	138
2.6. Деятельностный аспект смысла: смысл в структуре деятельности	147
2.7. Смысловая регуляция как конституирующая функция личности. Смысл в структуре личности	152
2.8. Смысл и эмоция	160
2.9. Заключение по главе 2	165
Глава 3. СМЫСЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ, ИХ СВЯЗИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ	
3.1. Личностный смысл: эмоциональная индикация и трансформация психического образа	167
3.2. Смысловая установка: регуляция направленности актуальной деятельности	182
3.3. Мотив. Мотивационный механизм смыслообразования	190
3.4. Смысловая диспозиция. Диспозиционный механизм смыслообразования	204
3.5. Смысловой конструктор. Атрибутивный механизм смыслообразования	213
3.6. Личностные ценности и потребности в структуре смысловой регуляции	223
3.7. Динамическая смысловая система как принцип организации и как единица анализа смысловой сферы личности	232
3.8. Смысл жизни как интегральная смысловая ориентация	247
3.9. Заключение по главе 3	250
Глава 4. ДИНАМИКА И ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР И СИСТЕМ	
4.1. Внутриличная динамика смысловых процессов: смыслообразование, смыслоосознание, смыслостроительство	252
4.2. Филогенез смысловой регуляции	270
4.3. Линии и механизмы развития смысловой сферы личности в онтогенезе	276
4.4. Индивидуальные особенности смысловой регуляции и смысловой сферы личности	291
4.5. Методология и методы исследования смысловой сферы личности	301
4.6. Патология смысловой регуляции	316
4.7. Нарушения смысловой регуляции при девиантном развитии личности	335

4.8. Смыслотехника как смысловая саморегуляция и технология воздействия	349
4.8.1. Общее понятие о смыслотехнике	349
4.8.2. Смыслотехника процессов смыслообразования	351
4.8.3. Смыслотехника процессов смыслоосознания	360
4.8.4. Механизмы смыслотехнического воздействия	362
4.9. Заключение по главе 4	365

Глава 5. ВНЕЛИЧНОСТНЫЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ФОРМЫ СМЫСЛА

5.1. Коллективная ментальность и общие смыслы Различные аспекты проблемы смысловой коммуникации	369
5.2. Смысл и значение. Групповые смыслообразующие контексты и пределы понимания	375
5.3. Смысловая координация и трансформация смыслов в совместной деятельности	393
5.4. Направленная трансляция смыслов: обучение и массовая коммуникация	407
5.5. Культура как поле коллективных смыслов	412
5.6. Искусство как механизм трансляции смыслов	419
5.7. Заключение по главе 5	438

Заключение. Что за смыслом?	440
-----------------------------------	-----

Литература	445
------------------	-----

P.S. Новые горизонты проблемы смысла в психологии	484
---	-----

Постскрипtum 2: Седьмой уровень регуляции	500
---	-----

Постскрипtum 3: Смысл и счастье	504
---------------------------------------	-----

ОБ АВТОРЕ

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Специалист в области психологии личности и мотивации, теории и истории психологии, психодиагностики, психологии искусства и рекламы, психологической и комплексной гуманитарной экспертизы. Автор более 400 публикаций, в том числе книг «Очерк психологии личности» (М., 1993; 1997), «Введение в психологию искусства» (М., 1998), «Тематический апперцептивный тест» (М., 1998), «Алексей Николаевич Леонтьев» (М., 2005, в соавторстве), «Искусство коллективных монографий «Искусство и эмоции» (Пермь, 1991), «Психология с человеческим лицом» (М., 1997), «Современная психология мотивации» (М., 2002), «Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности» (М., 2006) и др., а также целого ряда изданий классиков зарубежной и отечественной психологии. Лауреат премии Фонда Виктора Франкла города Вены (2004).

125009 Москва, Моховая ул. 11, кор. 5, факультет психологии МГУ.

Научное издание

Леонтьев Дмитрий Алексеевич
Психология смысла: природа,
строение и динамика смысловой реальности

Директор издательства Д.А. Леонтьев
Редакторы О.В. Квасова, Т.П. Толстова
Корректор Т.П. Толстова
Художник А.Ф. Малаховский
Компьютерная верстка О.В. Кокоревой

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
125009, Москва, а/я 158
Тел./факс (095) 195-3713, 189-9588
e-mail: info@smysl.ru
<http://www.smysl.ru>
Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001

Подписано в печать 29.01.2007. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Формат 60×90/16. Гарнитура Times ET. Усл.печ.л. 32. Тираж 2000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии "Наука"
Академиздатцентра "Наука РАН" Москва 121099, Шубинский пер., д.6 Заказ